
РЕЛИГИОЗНО-ПОЛИТИЧЕСКОЕ ВЛИЯНИЕ ИРАНА В СТРАНАХ ПЕРСИДСКОГО ЗАЛИВА (на примере Бахрейна, Саудовской Аравии и Кувейта)

Ю.И. Ильина

Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова
ул. Моховая, 11-1, Москва, Россия, 125009

В данной статье автор рассматривает эволюцию религиозно-политического влияния Ирана на страны Персидского залива на примере некоторых из них. В статье затрагиваются этнические, теологические и собственно политические аспекты иранского влияния в так называемых «нефтяных монархиях».

Автор анализирует истоки возникновения крупнейших транснациональных шиитских религиозно-политических движений, таких как «Ад-Дава» и «Харакят Ар-Рисаля», тесно связанных с шиитским духовенством Наджафа и Кербелы. Их взаимоотношения с иранским шиитским духовенством, пришедшим к власти в Иране после революции 1979 г., не были однозначными. В равной мере не было однозначным и отношение лидеров данных движений к иранскому режиму.

Помимо вышеназванных организаций в статье рассматриваются и становление локальных шиитских политических движений, играющих в настоящее время ведущую роль в странах Персидского залива, несмотря на заявления о вездесущей «руке Ирана».

Ключевые слова: Бахрейн, ислам, исламское правление, исламская революция, Иран, Кувейт, политическое влияние, религия, Саудовская Аравия, шиизм.

Международные отношения между Ираном и странами Персидского залива были неоднозначными на протяжении многих столетий. Главными факторами здесь выступали межэтнические и конфессиональные различия. При этом арабами Аравийского полуострова Персия, а затем Иран воспринимались как угроза их независимости (как в до, так и после обретения национального суверенитета арабскими арабами. Причем не меньшие опасения с их стороны вызывала и политика Ирана в правление Мохаммада Реза Пехлеви страны Персидского залива воспринимались шахским Ираном, который в международных кругах рассматривали чуть ли не местной державой — «жандармом Персидского залива», исключительно как сфера своего политического влияния. Так, в 1959 г. Меджлис (иранский парламент) даже провозгласил Арабские Эмираты (ставшую впоследствии ОАЭ) иранской провинцией, а в 1971 г. не признал факт провозглашения независимости ОАЭ [11].

В политических международных условиях на БСВ второй половины XX-го в., когда практически весь арабский мир находился в политической (а некоторые арабские государства временами и в военной) конфронтации с Израилем, Иран проводил в отношении Тель-Авива более лояльную политику.

Лояльность правительства шаха к Израилю выражалась в том, что Иран, вопреки решению всех арабских стран, имел некоторые экономические и политические контакты с Тель-Авивом, в частности, продавал нефть в эту страну. Данные

обстоятельства подогревали неприязнь к Тегерану в арабском мире. Более того, в 1960-м г. Иран признал Израиль, что повлекло разрыв дипломатических отношений с Египтом.

После Исламской революции 1979 г. в Иране и провозглашения ИРИ противостояние Ирана и стран Персидского залива еще более обострилось. Дело в том, что духовный лидер Ирана Р. Хомейни призвал к экспорту Исламской революции, и первую очередь в эти страны с целью их освобождения от «рабской зависимости» от Запада. Активная деятельность и нарастающее влияние организации «Хизбалла» в Ливане укрепило отношение к Ирану как к потенциальной угрозе всем правящим режимам так называемых «нефтяных монархий», хотя при этом в правящей элите Ирана существовало и существует как минимум два диаметрально противоположных подхода к концепции «вилаят-е-факих». Данный фактор по существу касается непосредственно только внутренней идеологической и политической жизни ИРИ [8. Р. 90—120.].

Так, рассматривая собственно иранскую политическую сферу, следует отметить, что «консерваторы» во главе с аятоллой Джаннати и аятоллой Месбахом Язди придерживаются позиции, что власть «вали-факиха», как и власть «Пречистых Имамов», которых он замещает, должна быть абсолютной, и «Шура» («Верховный совет»), состоящий только из улемов, обладает лишь консультативными полномочиями.

«Умеренные» улемы, лидером которых является аятолла А. Хашеми-Рафсанджани, бывший Президент Ирана М. Хатами, а также нынешний Президент Х. Роухани, относятся к так называемым «реформаторам» (Ислах талабан). Эти «реформаторы» являются сторонниками сохранения светско-республиканской формы правления и совершенствования демократических механизмов.

Иранское влияние не следует связывать лишь религиозной общностью между шиитами Ирана и шиитскими общинами Саудовской Аравии, Бахрейна, Кувейта и других стран. Необходимо учитывать, что шиитские религиозно-политические движения в странах Персидского залива зародились еще до Исламской революции 1979 г. и не были связаны с иранским шиитским духовенством.

В конце 1960-х — начале 1970-х гг. наиболее крупными шиитскими религиозно-политическими движениями были «Харакат ар-рисаля» и «Ад-Дава» (Призыв). «Ад-Дава», возникшее в иракском городе Наджафе — одном из крупнейших шиитских религиозных центров, представляло интерес «традиционного» шиитского духовенства Ирака и имело свои филиалы в Кувейте, Бахрейне и ОАЭ. Ее основателем являлся Мохаммад Садык Камуси [1].

Другим крупным движением было «Харакат ар-рисаля» (Движение «Послание»), руководимое великим аятоллой Мухамадом аль-Хусейни аш-Ширази¹ из Кербелы — главной святыни шиитов². Оно создало разветвленную сеть филиа-

¹ В связи с этим движение также именуют «ширазиун», что означает «последователи Ширази».

² В битве неподалеку от г. Кербела 9—12 октября 680 г. был убит имам Хусейн — внук пророка Мухаммада.

лов в шиитских общинах Бахрейна, Кувейта, Саудовской Аравии. Между этими шиитскими образованиями существовали определенные идеологические и организационные противоречия.

После Исламской революции в Иране оба эти движения стали пропагандировать идеи «исламского правления» Хомейни при материальной и организационной поддержке со стороны иранского правительства. Однако конкуренция между ними не ослабевала.

С 1982 г. иранцы стали создавать собственные так называемые «освободительные движения», подконтрольные непосредственно Тегерану и не связанные с иракским духовенством. Иранское духовенство сделало ставку на движение «Ад-Дава», так как оно поддерживалось авторитетными муджтахидами Наджафа.

В то же время деятельность «Харакат ар-Рисаля» стала активно подавляться иранцами. Их сторонники в Иране были подвергнуты преследованиям, а многие из них — арестованы. В ответ Мохаммад аш-Ширази подверг иранское правительство жесткой критике, указав на «диктаторские замашки» Хомейни [4]. Последователи Ширази с тех пор выработали свою модель исламского правления, тогда как идеологической основой движения «Ад-Дава» вплоть до сегодняшнего дня остается концепция «вилаят-е-факих».

В частности, аш-Ширази выступил против концепции единоличного наместника «Пречистых имамов» на Земле, «вали-факих», и считал, что в качестве духовного лидера мусульман должен выступать совет ученых, включающий представителей различных религиозно-правовых школ ислама — мазхабов.

С другой стороны, аш-Ширази крайне негативно относился к концепции национального государства и считал ее греховным новшеством (бид'а), создающим препятствия для объединения исламской «уммы». Проживая в Ираке, он демонстративно не имел паспорта и не получал никаких разрешений на проживание в этой стране. Однако из собственного интервью аятоллы аш-Ширази стало известно, что его отец имел иранское подданство и до конца своей жизни не отказывался от него. Его родственники в большинстве своем живут в настоящее время в Иране, хотя и называют Кербелу своей родиной (ватан). Родословные многих шиитов, коренных жителей стран Персидского залива, как и в случае с шейхом аш-Ширази, восходят к Ираку или Ирану [5. Р. 100—101].

На сегодняшний день шиитские общины в странах Персидского залива не являются политически однородными конфессиями. Вместе с тем их идеологическое мышление формируется под влиянием двух основных теоретических центров шиизма — Наджафа и Кума.

При этом стоит отметить, что их идеологическая палитра не ограничивается либо доктриной Хомейни или же традиционными шиитскими представлениями о том, что подлинно исламское государство может быть создано только после пришествия имама Махди. Духовенство в тех же Куме и Наджафе разделено как на полностью поддерживающих идеи Хомейни, так и на сторонников их критического осмысления.

Анализируя роль шиитских общин в общественной жизни стран Персидского залива, нельзя не заметить, что существующие противоречия между ними, с одной

стороны, и их соотечественниками-суннитами — с другой носят не только религиозный, но и этнический характер.

Особенное противостояние наблюдается в Бахрейне.

В отличие от других соседних арабийских стран здесь шииты являются не меньшинством, а большинством местного населения, составляя около 74% процентов мусульман (при том, что последние формируют 70% населения Бахрейна) численностью около 390 тыс. чел. [3].

В Бахрейне шииты именуют себя «Бахрани» и считают себя коренными жителями данной территории, а суннитов называют «Араб», то есть бедуинами, пришедшими из глубины Аравийского полуострова. Кроме того, шиитское население Бахрейна и восточных провинций Саудовской Аравии имеют общий языковой диалект, который отличается от того, на котором говорят местные сунниты [2. Р. XXII].

В Бахрейне последователи «Харакят ар-Рисаля» создали собственную политическую партию «Джамаат уль-амаль уль-исламия» («Общество исламского действия») и, объединившись с другими шиитскими группами в партию «Аль-Вифак» («Согласие»), имеют представительство в парламенте. Их сторонники идеологически противостоят другой части проирански настроенного шиитского духовенства, представленному движением «Ад-Дава» и основателем филиала этого движения в Бахрейне шейхом Исой Касемом. Поэтому они до настоящего времени не оформились в единую, организованную политическую силу.

Правящий режим Бахрейна всячески подавляет деятельность всех «проиранских» шиитских организаций. Репрессивная политика правительства Бахрейна по отношению к шиитам, усилившаяся после протестов 2011 г., сопровождается рядом грубых нарушений внутреннего законодательства (не говоря уже о международных конвенциях), а также дискриминацией шиитского населения в сфере образования, трудовых отношений, судопроизводства [9. Р. 9—10]. Такой политический курс в отношении шиитов поддерживается ближайшим союзником правящего режима Бахрейна — Саудовской Аравией. Данный фактор еще более подталкивает бахрейнцев к поиску союзников за рубежом, и в первую очередь в Иране.

Шиитское население Саудовской Аравии исторически проживает в восточной части страны, богатой нефтью, и составляет около 24,8% от общей численности населения, или 4 млн 310 тыс. чел. [3].

С начала формирования социальной стратификации саудовского общества шиитам традиционно отводились самые низшие позиции. Безусловно, в Саудовской Аравии, как и в других арабских государствах Персидского залива, на такое социальное положение шиитской общины повлиял религиозный фактор. Ваххабизм, являющийся идеологическим ориентиром правящего режима династии Саудов, не признает шиитские мазхабы и считает их последователей неверующими [7. Р. 8]. Более того, шииты подвергаются дискриминации в сфере образования, а также в доступе в органы государственного управления, полицию и вооруженные силы.

Такая ситуация создает благодатную почву для роста недовольства в среде шиитов и активизации радикальных группировок. Одной из таких групп является «Хизбалла-уль-Хиджаз» («Хизбалла в Хиджазе»), главной целью которой является свержение власти династии Саудов и создание на территории Саудовской Аравии исламской республики по образцу Ирана.

«Хизбалла в Хиджазе» является малочисленной радикальной группой, которая находится вне закона и обвиняется властями страны в совершении ряда террористических актов [10]. Ее возникновение напрямую связано с обострением ирано-саудовских отношений, произошедшего после революции 1979 г., и связанного с этими событиями усилением дискриминации местных шиитов. Если до этого саудовский режим видел в шиитах меньшинство, которое со временем ассимилируется, то после указанной Исламской революции стал воспринимать шиитов как потенциальных агентов влияния Ирана и как угрозу собственной власти.

Большинство саудовских шиитов, судя по опросам, не восприняли иранскую революцию 1979 г. как сигнал к свержению саудовского правящего режима. Вместе с тем события в Иране воодушевили определенную часть шиитской общины к более открытому исповеданию своей веры.

В настоящее время «Харакат ар-рисаля» охватывает в Саудовской Аравии подавляющее большинство шиитского населения. Благодаря таким харизматичным религиозным деятелям, как шейх Хасан Ас-Сафар и шейх Нимр ан-Нимр, местные шииты стали мощной и сплоченной силой, которая обладает серьезным материальным и человеческим ресурсом. Эта партия имеет и свою собственную политическую программу, направленную на решение локальных задач во имя укрепления потенциала шиитской общины в стране. Как и в 1980-х гг., шиитская община королевства оказывается вовлеченной в международную политику. Беспорядки в Бахрейне, имеющие под собой этническую и межконфессиональную основу, а также гражданская война в Йемене, где правительство Саудовской Аравии продолжает безуспешно бороться с «фантомами иранского влияния», приводят в итоге к реальному усилению авторитета ИРИ в шиитской среде (и не только в ней), как в Йемене, так и в Саудовской Аравии [6].

Так называемую «Кувейтскую модель» взаимоотношений между суннитами и шиитами зачастую называют «образцовой» для стран Персидского залива в том смысле, что здесь, в отличие от Бахрейна, Катара и Саудовской Аравии, шииты практически не подвергаются дискриминации и имеют соответствующий доступ к участию в деятельности органов государственной власти.

Представляется нелишним отметить, что с этнической точки зрения шиитская община Кувейта сформировалась из местного шиитского населения (бахрани), а также из эмигрантов из Ирака и Ирана (аджами). Численность шиитов составляет примерно 22,8% населения страны, или 210 тыс. человек [3].

Тем не менее, Исламская революция в Иране оказала мощное мобилизующее действие и на шиитскую общину Кувейта. Однако Кувейт, в силу своего географического положения и небольших размеров территории, находился под влиянием как Саудовской Аравии, так и Ирана. Поддержка кувейтским правительством Ира-

ка во время ирано-иракской войны привело к радикализации части шиитской общины и ее сближению с проиранскими организациями, ставившими своей целью «экспорт» исламской революции в страны Персидского залива.

Как известно, революционный «проект» Р.Х. Хомейни не предполагался исключительно шиитским, тем не менее, геополитические и этнические особенности политического положения в зоне Персидского залива привели к нагнетанию межконфессиональной напряженности в этой стране. Немалую роль в этом сыграли насильственные акции, осуществленные иранскими агентами влияния, как например, захват гражданского самолета (рейс 422 Бангкок—Кувейт) членами ливанской «Хизбаллы» в 1988 г. [12].

После оккупации Кувейта Ираком в 1990-м г. трения между суннитами и шиитами несколько сгладились, так как они в равной степени столкнулись с политикой ассимиляции со стороны правительства Саддама Хусейна.

В результате высокого уровня интеграции шиитов — сторонников Аш-Ширази в кувейтские органы власти они оказались в меньшинстве в шиитском представительстве в общественной жизни Кувейта сравнительно с «проиранской» партией, известной под названием «Исламский национальный союз». Если «Харакат ар-рисаля» в настоящее время имеет в парламенте одного представителя — Салеха Ашура, то их противники — троих. Тем не менее, благодаря поддержке правительства им удалось объединить несколько шиитских групп в политическую партию «Итиляфат-таджаму аль-ватанийя» («Коалиция патриотических групп»).

Участие Кувейта в гражданской войне в Йемене в составе коалиционных сил во главе с Саудовской Аравией не может не сказаться и на межконфессиональных отношениях. Так, шиитский депутат Дашти посетил Иран, где побывал в доме Имада Мугнии, известного деятеля «Хизбаллы» и участника захвата самолета в Кувейте, о котором упоминалось выше. Данная поездка вызвала крайне негативную реакцию со стороны суннитов, обвинивших шиитского парламентария в лояльности Ирану.

Подводя итоги, следует отметить следующие объективные и субъективные факторы активности ИРИ в арабийских странах.

1. Вследствие дискриминационной политики правительства Бахрейна, Саудовской Аравии и отчасти Кувейта по отношению к шиитскому населению и отсутствия каких-либо перспектив к изменению данного положения (за исключением Кувейта), религиозно-политическое влияние Ирана усилилось и продолжает усиливаться.

2. Усиление влияния Ирана может быть катализировано успехами Исламской республики вследствие ликвидации радикальных группировок, поддерживаемых Саудовской Аравией и Катаром в Сирии и Ираке, а также неудачным завершением военной кампании Саудовской Аравии и их союзников в Йемене.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

- [1] *Dagher S.* Ex-Hussein Officials and Others Go on Trial // *The New York Times*. 28 December 2008.
- [2] *Holes C.* Dialect, Culture and Society in Eastern Arabia // *Glossary*. Leiden, 2001. Vol. 1.

- [3] *Izady M.* Persian Gulf Religious composition map. URL: <http://gulf2000.columbia.edu>.
- [4] *Louer L.* The Limits of Iranian Influence Among Gulf Shi'a. 2015. URL: <https://www.ctc.usma.edu>.
- [5] *Louer L.* Transnational Shia Politics. Religious and Political Networks in the Gulf. London, 2008.
- [6] *Milani M.* Iran's Game in Yemen. Why Tehran Isn't to Blame for the Civil War // The Foreign Affairs. 2015. URL: <https://www.foreignaffairs.com>.
- [7] *Perazzo B.* On being Shia in Saudi Arabia. URL: <http://www.gulfinstitute.org>.
- [8] *Ramazani R.K.* Independence without Freedom: Iran's Foreign Policy. Charlottesville, 2013.
- [9] Shia Rights Watch. Bahrain 2014. The Lost Generation. URL: <http://shiarightswatch.org>.
- [10] Tracking terrorism website. URL: <http://www.trackingterrorism.org>.
- [11] *Troudi M.* L'Iran et les pays arabes, une relation ambivalente et compliquée. URL: <http://www.politique-actu.com>.
- [12] الكويت أزمت تتجاوز ابراهيم الهطلاني الطائفية. URL: <http://www.al-monitor.com>.

IRANIAN RELIGIOUS AND POLITICAL INFLUENCE IN PERSIAN GULF COUNTRIES (Bahrain, Saudi Arabia and Kuwait)

Yu.I. Ilyina

Lomonosov Moscow State University
Mohovaya str., 11/1, Moscow, Russia, 125009

This article is focuses on evolution of Iranian political influence in Persian Gulf countries. It examines theological and political aspects of such influence and its consequences for the region.

The author analyses origins of the transnational Shia movements such as “Harakat ar-Risala” and “ad-Dawa” linked with traditional Shia institutions at Najaf and Kerbela, and its ambiguous relationships with post-revolution Iranian elite. In the same way, not all of Shias of Persian Gulf was “fascinated” by “Islamic revolution” in Iran and became admirers of R. Khomeini’s conception of “*vilayat-e-faqih*”.

In addition, the author traces history of local political Shia movements, that are, in fact, more influential on domestic politics of Gulf countries that mythical “Iran’s hand”.

Key words: Bahrain, Islam, Islamic rule, Islamic revolution, Iran, Saudi Arabia, political influence, Religion, Shia Islam, Kuwait